

А. Третьяк

Книга, ставшая документом. Павел Сумароков

Не так уж много в мировой научной урбанистике есть столь убедительные примеры торжества разума, таланта и профессионализма при основании и развитии городов, каким явила себя в XIX в. Одесса. Констатируя данный факт, академическое издание на рубеже веков отнюдь не случайно отмечало: «Мы не можем указать другого русского города, который мог бы сравниться с Одессой по скорости развития и роста. Просуществовав всего лишь 100 лет, Одесса заняла положение, соответствующее столичным городам»¹. И вот что характерно, эти строки не миф о «золотом городе» XIX в., а тем более не пустые слова, которыми столь нередко грешили люди века прошлого и нынешнего. Для XIX в. это были конкретные факты первых десятилетий жизни юного города на берегу Черного моря, который, даже по человеческим меркам бытия, мгновенно превратился в европейско-значимый, а его слава и процветание явили миру подтверждение простой истины, что не оружием, ненавистью и кровью достигается благополучие, но трудом, торговлей, развитием науки и искусства.

Основанная по именному указу Екатерины II от 27 мая 1794 г. по ст. ст. на месте развалин турецкой крепости Хаджибей, Одесса, что может показаться странным, изначально вызвала существенные сомнения относительно своего права на появление не только в качестве главного торгового порта на Черном море, но и города как такового. Для традиционного градостроительства того времени это было естественно и, возможно, оправдано, т.к. строить город в почти безводной Причерноморской степи, вдали от крупных водных коммуникаций многим представлялось ничем не оправданным прожектерством. Однако экономические и политические расчеты «отцов-основателей» — Дерибаса и Деволана, поддержанные умной и прозорливой Екатериной II, в самый короткий срок доказали обратное. Одесский порт, при помощи каботаж-

ной торговли, стянул на себя значительный товарный поток огромного Новороссийского края, а его непосредственная близость к плодороднейшим губерниям Подолии и Волыни дала толчок к развитию и сухопутных торговых путей. Одесса, неожиданно для многих, оказалась самым значимым черноморским портом Российской империи. И даже в период своей кратковременной стагнации эпохи царствования Павла I она не потеряла данной положительной тенденции, хотя будущее города тогда казалось более чем сомнительным.

Следует отметить, что для Павла Петровича все, не имеющее военного оттенка, теряло право на существование. Так, например, в марте 1797 г. император недвусмысленно писал: «Господин контр-адмирал Пустошкин! Так как Одесский порт по неудобности его не будет отделяться на такой конец, чтобы быть ему военным портом, но единственно будет порт де релаш, или случайным во время надобности пристанищем; почему большая жете, отделенная от прибрежной, отделяться и не будет, а окончатся только начатые строением...»². Подобных примеров, после воцарения Павла I, совершенного непонимания в Петербурге сущности и смысла не только собственно строительства Одессы, но и всей южной политики России предшествующего царствования можно привести отнюдь не малое количество. Но вот что характерно, в 1799 г. произошёл удивительный поворот. Какие движущие силы стояли за ним и кто именно являлся пружиной этого нового взгляда на положение южных провинций и Одессы — остается только догадываться. Но факт остается фактом, именно тогда было поручено племяннику знаменитого русского литератора А. П. Сумарокова совершить поездку на юг и составить пространную записку относительно вновь присоединенных территорий. И следует отметить, что Павел Иванович Сумароков³ справился со своей задачей блестяще.

Если отбросить высокопарность стиля и столь свойственного для рассматриваемой эпохи античного эпитета, то можно заключить, что книга, опубликованная всего лишь через несколько месяцев после путешествия⁴, стала одним из лучших документальных свидетельств реалий южных территорий Российской империи конца XVIII в. И, что самое главное, не просто зафиксировала в себе первое печатное описание Одессы, включая статистические данные, но и дало явственное определение ее потенциальных возможностей. Последнее, пожалуй, является главным достоинством книги Сумарокова, опубликованной, напомним, именно в тот момент, когда решался вопрос о сохранении города как такового.

Кто стоял в качестве непосредственного инициатора «путешествия» в бывшее Крымское ханство чиновника из Москвы, а затем молниеносной публикации его путевых заметок в России, где жестко регламентировалось не то что печатное слово, но даже размер и цвет оберточной бумаги, догадаться отнюдь не трудно. Это был, вне всякого сомнения, собственно император. А вот кто подсказал царю идею подобной инициативы — вопрос более сложный, хотя и с большой долей вероятности правильного ответа. По всей видимости, это был адмирал Дерибас, вернувший к тому времени и свое влияние при дворе, и даже значительно упрочивший его. Вспомним, что Осип Михайлович был не только замечательно храбрым, дерзновенным генералом, и не только искусным инженером, политиком, дипломатом — он был еще и удивительно ловким, хитро лавирующим царедворцем, владевшим всеми инструментами придворных интриг еще с того времени, когда был воспитателем сводного брата Павла Петровича — графа Бобринского.

Здесь нет нужды говорить о том, что до конца своих дней Дерибас, впрочем, как и Деволан, мечтал возродить свое непосредственное участие в реставрации великого деяния, предпринятого им в 1794 г. при начале строительства главного порта на Черном море — Одессы. Для него это было и делом чести, и делом, если угодно, своего собственного человеческого благополучия. Ибо то, что творилось в Петербурге в период правления Павла I, могло в любой момент и возвысить, и в равной степени стереть в пыль любого, невзирая на лица и звания. А потому возвращение на юг было для него весьма заманчивой перспективой. А вот для этого ему как раз и было необходимо переубедить царя в том, что отнюдь не все деяния в южной политике Ека-

терины были плохи. И даже, наоборот, могли быть обращены во славу венценосного монарха и Великого магистра Мальтийского ордена. Одним словом, использовать фантазии и бредовые идеи Павла с максимальной пользой для своего детища, да и для себя лично.

Собственно, Павел Сумароков в своих записках подтверждает сказанное, отдавая должное Дерибасу и при взятии Хаджибея, и при основании Одессы. Специфичность данных пассажижей становится понятной, если вспомнить, какими унижениями сопровождался отъезд вице-адмирала из города всего за два года до посещения Одессы Сумароковым. Тогда, в самом начале правления Павла I, все были убеждены, что Дерибас, после закрытия комиссии по строительству Одессы и порта, направляется в Петербург для прямого препровождения в Петропавловскую крепость либо, в лучшем случае, для ссылки в Сибирь.

Естественно, Павел Сумароков, владевший полной информацией, со всей тщательностью старался сглаживать подобные острые углы. Более того, он, используя свой несомненный литературный дар, постарался с наибольшей возможностью отойти от любых двусмысленностей и противоречивых толкований, и в первую очередь негативных сторон в южной политике империи того времени. Так, например, он ограничивается лишь констатацией факта управления Одессой иностранным магистратом. А ведь именно в 1799 г., после смерти Кесоглу, открылось крупное дело относительно финансовых злоупотреблений иностранного магистрата, политический и, особенно, юридический статус которого, навязанный Павлом I, мог вызывать только недоумение. Еще в большей степени любопытен пассаж Сумарокова относительно причин замедления темпов развития города и его торговых оборотов, объяснявшего их какими-то войнами. Хотя как раз именно тот период никоим образом не затрагивал экономические и торговые интересы портов Северного Причерноморья, но, наоборот, всячески благоприятствовал их развитию.

Впрочем, если сравнивать впечатления от посещения Одессы и Крыма Марии Гутри в 1795 г.⁵ и соответствующие записки профессора Эдварда Кларка, сделанные им в 1800 г.⁶, книга Сумарокова выглядела значительно более интересной, с точки зрения и глубины понимания увиденного, и чисто литературного стиля изложения. В этом отношении в отечественной литературе, наверное, влияние Павла Сумарокова на этот жанр скорее недооценено, чем получило

должную оценку. Даже на фоне замечательных «Писем русского путешественника» Карамзина путевые записки Павла Сумарокова никогда не выглядели бледной тенью либо подражательством его великому современнику.

Между тем главным достоинством «Путешествий по всему Крыму и Бессарабии» следует признать документальность изложенного материала. И вопрос здесь вовсе не в собственно изложении тех или иных статистических данных, хотя и это весьма немаловажно. Не будем забывать, что основной целью подобной литературы, кстати, весьма редкой для того времени в России, было «произвести впечатление». А вот это как раз и удалось Сумарокову блестяще. Уже одно то, что он предсказал небольшому портовому городку на Черном море, весь торговый баланс которого измерялся десятками тысяч рублей, реальную конкуренцию Петербургскому порту, оперировавшему миллионными

торговыми оборотами, заставило задуматься многих. И не только Павла I, но и пришедших на лоно государственного правления после цареубийства 11 марта 1801 г.

С книгой Павла Сумарокова Одесса приобрела нечто большее, чем простое описательное действие ее младенческих лет. Вначале было слово, из которого и произрастает все сущее. Возможно, нигде и никогда эти библейские основы не ощущаются столь явственно, а справедливость строк замечательного поэта не столь осязаемой: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», чем в этих первых документальных свидетельствах о рождении юного города на берегу Черного моря. Одесса родилась и выросла, окруженная людьми талантливыми, трудолюбивыми, умными и жизнерадостными. К их числу, хотя Господь и не сподобил его жить в Одессе, принадлежал и Павел Сумароков.

¹ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении/ Под ред. П. П. Семенова. — Т. 5. — Ч. 2. — СПб. — М., 1898. — С. 119.

² См.: Третьяк А. И. Из распоряжений Павла I/ Третьяк А. И. Рождение города. Документальные очерки. — Одесса, 2004. — С. 66–74.

³ Сумароков Павел Иванович (1760—1846) — писатель, сенатор и член российской академии. Его труды: «Черты Екатерины Великой» (Санкт-Петербург, 1819), «Прогулка за границу» (Санкт-Петербург, 1821), «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г.» (Москва, 1800), «Досуги крымского судьи» (Санкт-Петербург, 1803 — 1805), «Зеленый корсет» (ком., Санкт-Петербург, 1805), «Модник» (ком., Санкт-Петербург, 1806), «Марфа Посадница» (драма, Санкт-Петербург, 1807), «Некоторые рассуждения о А. П. Сумарокове и начале российского театра» (Санкт-Петербург, 1806), «Орлы и скворцы» (притча, Санкт-Петербург, 1806).

⁴ Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. — М., 1800.

⁵ Guthrie Maria. A tour performed in the years 1795–6 through the Taurida, or Crimea. — L., 1802. — С книгой леди Гутри связано несколько забавных эпизодов в отечественном источниковедении. Написанная в форме писем к мужу в Петербург, книга была опубликована в Лондоне в 1802 г. после смерти автора, о чем ее муж и издатель непосредственно говорит в предисловии. Однако это не ограничило фантазии некоторых даже современных академических изданий, приписавших Марии Гутри описание путешествия по Крыму в 1808 г. Впрочем, это тема отдельного разговора.

⁶ Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. — Part 1-th. Russia, Tahtary and Turkey. — V. 2. — L., 1812. — Здесь следует особо отметить, что в отличие от Сумарокова. Кларк имел возможность открыто выразить свое мнение относительно пагубности внутренней политики Павла I, называя ее едва ли не самой деспотичной в мире, даже в сравнении с наименее цивилизованными африканскими странами: «Mungo Park could hardly have been exposed to a more insulting tyranny among the Moors in Africa, than Englishmen experienced at that time in Russia, and particularly in Petersburg». — Ibid., V. 1, p. 7.